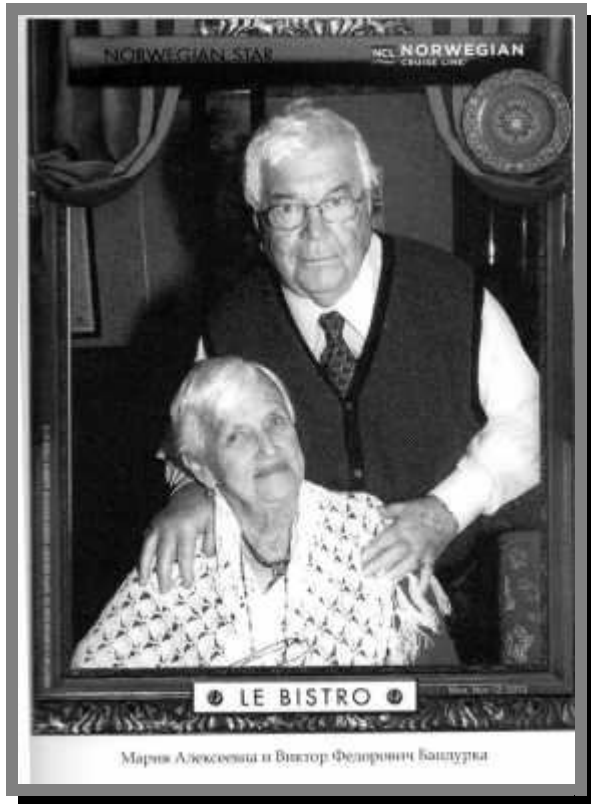

Нас судьба ударила наотмашь,
Нас с тобою сбила с ног судьба!
Наше небо стало небом чёрным,
Наше небо разорвал снаряд.
Наши звёзды выдернуты с корнем,
Наши звёзды больше не горят.
В наше небо били из орудий,
Наше небо гаснет, покорясь,

В наше небо выплеснули люди
Мира металлическую грязь!
Нас со всех сторон обдало дымом,
Дымом погибающих планет.
И глаза мы к небу не подыдем,
Потому что знаем: неба нет.

Перед нами проходит, спрессованная в мгновение, вся жизнь поэта. Здесь сходятся два полюса – любовь (в данном случае к отцу и к потерянному раю детства) и почти что ненависть – к миру с его «металлической грязью», растоптавшему всё святое в душе героя. Зло не персонифицировано, и это очень мудро – это и люди, творившие несправедливые репрессии, и война, всё, что разрушает и разъединяет людей. «Имя им легион», как говорится в Писании. Трагедийное звучание «Звёзд» достигает у Ивана Елагина такого эпического размаха, что заставляет вспомнить Расина, Софокла и Еврипида, хотя они и творили в другом жанре. Мистический символизм судьбы. Так бывает – никто в самом стихотворении не гибнет, а – трагедия. Гибнут звёзды. Это как раз тот самый случай, когда гибель природы страшнее гибели человека, потому что природа – это душа человека. А что такое человек, живой, но лишённый души? «Тяжёлые звёзды» – так назвал Иван Елагин свой итоговый сборник стихов. Звёзды, «вырванные с корнем», оказались слишком тяжёлыми для человека.

Мария Алексеевна и Виктор Федорович Бандурко
(из семейного архива В. Бандурко)

Виктор БАНДУРКО
Нью-Йорк, США

ИСТОРИЯ ОДНОЙ СУДЬБЫ **РАССКАЗ СТАРОГО КАДЕТА**

Отец мой, Федор Иванович Бандурко был кубанским казаком. Родился он 15 марта (2 марта по старому стилю) 1895 года в день Святого Федора. Учился он в начальной школе в Сочи, затем поступил в гимназию в Армавире, которую окончил с золотой медалью. Если вы окончили школу с золотой медалью в царской России, могли поступить без конкурса в любое высшее учебное заведение. Мой отец поступил в Военно-Медицинскую Академию в Питере. Стипендия его в то время была 16 рублей в месяц. Академию ему окончить не удалось, так как началась революция.

В конце 17 года произошел с отцом такой случай. Он шел по Литейному проспекту в военной форме с погонами, навстречу шли курсанты. Он мог погибнуть, но один старый матрос, увидев всю эту картину, спрятал отца за своей спиной и, таким образом, спас ему жизнь. После февральской революции отец слушал в Думе Керенского, который мог говорить 17 часов подряд. При этом он падал в обморок, его откачивали, и он продолжал говорить.

В конце 1918 года уехал он на юг примкнуть к Белой армии. Когда он приехал на Финляндский вокзал, там уже выступал Ленин. После выступления Ленин подошел к нему и расспросил его, кто он и что здесь делает, а потом поинтересовался, если он украинец. «Нет, русский», – ответил отец.

Он рассказывал, что чем дальше продвигался он на юг, тем страшнее были зверства большевиков. Наконец, отец примкнул к Белым. Так служил он в Белой армии до ее развала. В это время он очутился в Грузии, в г. Поте, где планировал сесть на американский пароход, отплывающий в Нью-Йорк. Но в Нью-Йорк он не уехал, а уехал в Крым. Из Крыма он перебрался в Словению. В течение 4-5 лет жил в лагере, в надежде вернуться в освобожденную Россию. Вскоре друзья собрали ему деньги, и он уехал в Загреб продолжать медицинское образование. Окончил он обучение в 1924-25 годах и продолжил свое обучение в Белграде, где и познакомился с большим русофилом, сербом по фамилии Бата Мичич. Он был в то время директором Красного Креста. В его доме отец мой встретил свою будущую жену – сестру Бата Мичича. Была она учительницей. Через полгода папа женился.

Отец получил государственную работу недалеко от Белграда, в небольшом селе под названием Баваниште, где он работал сельским врачом.

Я родился 21 января 1931 года в этом селе, где я и рос со своей сестрой Верой. До 6 лет я не говорил по-русски, а только на крестьянско-сербском языке. Недалеко от нашего села был небольшой город Панчево. Там располагалась большая русская колония, больница и начальная школа. Отец отправил меня и сестру жить в русскую семью. Учительницей нашей была Александра Аркадьевна Боголюбова – женщина очень образованная. Образование она получила в Смольном, свободно говорила на немецком, английском и французском языках. Отец велел мне учить немецкий. В этой школе я проучился 4 года. Домой приезжал только на летние каникулы. К этому времени сербский язык я уже начал забывать. Как сейчас помню 37-38 годы, мадам Садовская, хозяйка дома, где я жил, любила петь русские романсы под собственный аккомпанемент, особенно любила она романс «Отцвели уж давно хризантемы в саду».

В апреле 1941 года слышу я на улице шум – выхожу – вижу – толпа студентов, кричат: «Лучше война, чем пакт, лучше гроб, чем рабство». Дело в том, что за полгода до этого Принц Павел подписал пакт с Гитлером пропустить через страну вагоны с ранеными немцами из Греции в Германию. Авиация под руководством генерала Симовича устроила путч. Павла и его правительство арестовали и поставили королем Петра II. Это было очень важно исторически, так как в апреле этого года Гитлер планировал напасть на Россию. Через неделю после путча случилась такая история. На ступеньки Думы вышел немецкий посол, и студент плюнул ему в лицо. Это был мировой скандал.

Гитлер объявляет войну Сербии и посылает две военных дивизии для ее разгрома. Через деревню, где мы жили, проезжает сербский полк. В нашем доме скрывались семь сербских офицеров. Отец просил их не выходить из дому, но они его не послушались, и сосед-немец их всех выдал. В это время в деревню уже вошли немцы. Первые немецкие дивизии не были такими жестокими. Немцы сразу заняли в нашем доме две комнаты.

Через неделю вошли СС. В один прекрасный день перед нашим домом останавливается два грузовика, и немцы делают обыск. Отца снова выдал немец-сосед, сообщив, что доктор скрывал сербов. У отца нашли охотничье оружие. Но немецкий солдат, живший в нашем доме, отца от ареста спас.

Да, забыл сказать, что в 1941 году отец отвез меня в Белую Церковь, где я проучился три года во 2-ом русском кадетском корпусе.

Когда я учился в кадетском корпусе за моей партией сидел правнук Льва Толстого – Илья Толстой, а сзади – внук Римского-Корсакова.

Вел он себя плохо, и по поведению у него была единица. А старший брат его Олег всегда говорил о России. Там же учился и сын генерала Кутепова. Помню, как в 1943 году подъезжает к училищу Гестапо, и забирают 2-х кадетов – сына генерала Кутепова и сына кубанского генерала Фостикова. Что же было? Оказывается, НКВД в гнезде белогвардейцев основало коммунистическую ячейку, во главе которой был сын Кутепова. В какой-то момент и я хотел записаться, но меня не взяли. Их хотели повесить, повезли в Вену, но спас их русский агент.

В начале июня немецкие солдаты временно уходят на маневры и Тео, один из солдат, мне говорит: «У нас будет война с Россией». Было это 10 июня. За моей тетей ухаживал один немецкий сержант по фамилии Альберт, и когда началась война, он твердо сказал: «Германия проиграет».

Что тоже очень важно, объявление войны с Россией отодвинулось с апреля на июнь. В Сербии начали формироваться партизанские отряды. Один из таких отрядов спас 500 американских летчиков. Руководил партизанским отрядом в Сербии Драже Михайлович. Последний основал отряды четников. Другой группой руководил Лютич, в нее входила в основном сербская интеллигенция, которая была близка по духу к русской интеллигенции, обосновавшейся в Сербии. Но Драже Михайлович сделал тактическую ошибку – он в какой-то момент заключил пакт с немцами. Несколько позже появились партизанские отряды, во главе которых встали коммунисты, особенно в старой Сербии, в городе Ужицы.

Партизанское движение было основано благодаря сыну Черчилля. В 1936 году Рандольф Черчилль и Тито (наст имя Иосип Броз) были вместе в Испании во время Гражданской войны и служили в знаменитой бригаде Линкольна. Там же служил и Хаменгуэй. Об этом писал в своих воспоминаниях Андрей Седых.

Эти партизаны-коммунисты начали охотиться и убивать русских эмигрантов. Тогда в Белграде жил генерал Скородумов. Он просил немцев дать эмигрантам оружие, чтобы бороться против партизан. Это движение называлось «Шутцкор» (Schutzkor). У них тогда были еще старые формы. В течение месяца организовался первый полк из казаков. Начальником этого полка был генерал Зборовский. До Первой Мировой Войны он служил в конвое и был любимым партнером Николая II по игре в теннис. Когда началась война с Россией, немцы обещали перебросить всех этих воинов на Восточный фронт сражаться против большевиков. Генерал Скородумов выразил немцам

свое возмущение и его арестовали. Начальником корпуса назначили крещеного еврея по фамилии Штейфон. Армия разрослась из одного полка до пяти. Там было много советских военнопленных и много из Буковины.

Отец оказался в русском корпусе – на них надели немецкую форму, и уйти было уже невозможно. 15 сентября 1944 года папа приезжает из Белграда в деревню и сообщает нам, что нужно немедленно уезжать, так как Красная армия должна была вот-вот занять нашу деревню. Мы собрали только то, что могли взять и умолили папиного бывшего больного, чтобы он отвез нас на телеге в Панчево, где был сбор. Отец уехать с нами не мог. Не успели мы уехать, как соседи наши полностью разграбили все наше имущество, и только тете удалось спасти маленькую китайскую чашечку, которую я до сих пор бережно храню.

17 сентября немцы посадили нас в вагоны, всего 3-4 тысячи человек, и мы двинулись в Австрию. Но, не доезжая до австрийской границы, началась бомбардировка английской авиацией. К счастью, перед нами был туннель, и мы успели там спрятаться. На другой стороне была Австрия. Вагон двинулся назад. Нас пересадили в товарный поезд, направляющийся в Вену.

19 сентября 1944 года мы приехали в Вену, но не успели мы прибыть, как американцы разбомбили наш поезд. Опять пришлось нам спастись в укрытиях. Прошли мы тогда 7 километров пешком – была слякоть, снег. Было мне всего 13 лет. Мама спрашивает по-сербски охранявшего нас немца: «Куда нас ведут?». А он отвечает маме: «Вы не волнуйтесь, все будет хорошо». Был я в то время непоседливый и нетерпеливый, все забегал вперед, и первым увидел вывеску на немецком языке: «Лагерь. Работа сделает нас свободными». Это был известный теперь концлагерь «Маутхаузен».

Вошли мы в этот лагерь, и нас сразу же раздели догола, всех вместе, женщин, детей, старых и молодых и отправили в душевую. Позже я узнал, что один клапан там был для душа, а другой – для газа. Нашу одежду продезинфицировали и отдали нам ее обратно.

Я вышел во двор и первое, что я увидел – это человека, подвешенного за руки, а сверху ему на голову льется вода. Эту страшную картину я никогда не забуду. Вскоре отправили нас в палаты, по 50 человек в каждой, дали по одеялу и солому, на которой мы спали. Я тогда везде бегал. Подхожу к проволочному ограждению и вижу какие-то странные люди. Я спрашиваю: «Откуда вы?», а он отвечает: «С Варшавского гетто», и на хорошем немецком языке спрашивает: «Хлеб есть?». Хотел променять свои сапоги на буханку хлеба.

В концлагере было две категории людей. Одна – те, которые но-

сили полосатые одежды и у них на руке были выжжены номера. Другие – те, которые носили свою одежду, но у них посередине головы были полосой выстрижены волосы, и красной краской на одежде был нарисован номер. Я видел, как немцы издевались над людьми, особенно над евреями и цыганами. Их заставляли носить тяжелые камни.

Однажды ко мне подошел еврейский мальчик лет 15 и говорит: «Хочешь выйти из лагеря чинить железнодорожные трассы?» (а нам тогда давали в день одну тарелку горохового супа, и мы очень голодали). Я пошел с ним. Мы день отработали, а в конце работы он вдруг упал. Я подошел к охраннику, спрашиваю, как помочь ему. Охранник попался хороший, говорит: «Если найдешь тачанку, отвези его». Я тачанку нашел, поднял его, он очнулся. В течение двух месяцев, что я был в лагере, мы его как могли, подкармливали. Потом он исчез.... Наверное, погиб...

Через два с половиной месяца нас собрали немцы (около 3,000 человек) и вывезли из лагеря. Привезли нас в маленький немецкий город Хольштат, возле Зальцбурга. Маму отправили работать на завод, где делали ракеты. Так жили мы там до мая 1945 года пока не пришли американцы. Оттуда попали мы в американскую зону в Зальцбурге, где я начал ходить в русскую школу, в 4-ый класс. Окончил я эту школу в 1949 году. В сентябре все начали разъезжаться.

В это время русский корпус из Югославии уехал в Австрию, в английскую зону, где и был расформирован. В июле или августе того же года отец нашел нас в Зальцбурге, в лагере для перемещенных лиц. Отец устроился в этом лагере работать врачом. Был это русский лагерь, а были еще и польские лагеря, и еврейские, и другие. В Америку из Германии нас не выпустили, так как отец переболел туберкулезом, а у меня не было трех зубов, которые мне выбил немецкий солдат, когда я пытался спасти тонущего в туалете старого еврея. Не пустили нас ни в Бразилию, ни в Канаду. Наконец, отец получил контракт на работу в Эфиопии. Из Марселя мы плыли на пароходе через Порт-Саид и, наконец, прибыли в столицу Эфиопии, Аддис-Абебу. В этой столице прожили мы только два месяца, жили мы в русской части города, где старые русские эмигранты сдавали квартиры. Многие из них жили здесь еще с 1912 года. Прислуживали нам местные жители, которые научились говорить по-русски и готовить русскую еду.

Граф Иван Сергеевич Хвостов хотел создать там русскую комму-ну. Сам он выучился на адвоката. Дядя его еще при Керенском был министром. Был он еще и поэтом, к тому же еще перевел с француз-

ского Гражданский кодекс Наполеона на абиссинский язык. Он свободно владел четырьмя иностранными языками. Женой его была графиня Наталья Владимировна Татищева. Благодаря его хлопотам мы и попали в Эфиопию. Однако папу отправили работать на юг Эфиопии, 150 километров от столицы. Подъезжаем – а вместо дома стоит маленькая соломенная хибарка. Попали мы на золотые прииски, где работали преступники. Сначала мы плакали, было трудно, хотя и работало на нас 4-5 человек прислуги из местных.

Сестра Вера осталась в Аддис-Абебе и иногда приезжала к нам охотиться на леопардов. Я учился говорить по-итальянски, русских вокруг никого не было. Горными инженерами работали американцы, и условия у них были лучше, чем у нас. Американцы стали нас с сестрой уговаривать ехать в Америку. Один из них, господин Кеммер, обещал быть моим спонсором. Сначала я не хотел ехать, так как меня приняли в Хайдельбергский университет на медицинский факультет, но после многих уговоров я все-таки согласился. В январе 1952 года мы с сестрой переехали в Нью-Йорк.

Через две недели после приезда я поступил в колледж Святого Франциска в Бруклине, потом в Фордхамский университет (Jesuit Fordham University in Bronx, NY), где получил степень магистра химии. В 1972 году я получил докторскую степень. После получения докторской степени был приглашен на работу известной фармацевтической фирмой «Johnson and Johnson», где и проработал до марта 2003 года. У меня 16 патентов по химии и 12 научных работ. Работы были в различных областях медицины, получал я и престижные награды за свои научные открытия.

Несмотря на большую занятость в науке, я всегда интересовался литературой и музыкой. Пел в хоре. Приглашал в Америку хоровые группы из Москвы. Устроил 250 концертов в США и Канаде. Способствовал приезду хора из Волгограда и Бреста. Посещал лекции Елагина, Берберовой и других. Свои первые десять лет пребывания в США принимал участие в русском казачестве, а последние пять лет участвую в кадетском движении в Америке и России. Российские кадеты приглашают меня теперь на их съезды. Посетил Питер, Москву, Екатеринбург, Хабаровск и Владивосток.

Случилось так, что в американской армии за неимением православных священников приобщился к еврейской религии и каждую пятницу посещал военную синагогу.

По окончании университета Ешивы, по просьбе декана помогал вновь прибывшим евреям из бывшего Советского Союза, что и продолжаю делать сейчас. Живем мы с женой недалеко от Нью-Йорка. У нас трое детей и шестеро внуков. Так сложилась моя судьба.

(фотографія из сямейнага архіва В. Бандурка)

Федор Бандурко, отец Виктора. 1918 год.
Студент Императорской Военно-медицинской Академии
(из семейного архива В. Бандурко)

XXIX выпускъ,

XXIX выпускъ, 1-е отделение II класса снято въ мартѣ 1943 года. Въ первомъ ряду слева направо сидятъ: И. Щуплякъ, В. Бандурка, Г. Быковецъ, пом. восп. Петръ Карасиенъ XXVI вып., полк. Я.Н. Рѣшниковъ, кап. П.И. Лавровъ, К. Нелюдовъ, Гл. Фоминъ.

XXIX выпускъ, 2-е отделение II класса снято зимой 1943 года. Въ первомъ ряду сидятъ слева направо: А. Ралли, В. Кумашевъ, кап. Михаилъ Харитоновъ, А. Масловъ, Вл. Мордвинкинъ. Во второмъ ряду крайній справа Е. Баевъ, а третій слева П. Жарковъ, полковничій секретарь Кадетскаго Объединенія изъ Нью-Йорка.

(из семейного архива В. Бандурко)

Эфиопия, Аддис-Абеба, Федор Бандурка с женой и дочерью.

Визит председателя Старейшин казаков Америки, полковника В. Ф. Бандурко, Всеволожск, сентябрь 2009 года